

18+

Олег Минкевич

ПО СОВЕТУ БАБЕЛЯНА

СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Олег Минкевич

**По совету Бабеляна. Сборник
юмористических произведений**

«Издательские решения»

Минкевич О.

По совету Бабеяна. Сборник юмористических произведений /
О. Минкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967079-3

Доводилось ли вам спорить с роботом о юридических правах? А участвовать в чаепитии со смертью? Быть может, вы видели гигантского зайца, скачущего по крышам мирного города? Нет? Тогда эта книга предоставит вам такую возможность. Смелее! В стране затейливых образов вас поджидает повседневная насущность.

ISBN 978-5-44-967079-3

© Минкевич О.
© Издательские решения

Содержание

Будильник	6
Блокнот Бонифаса Фабре	9
Заявление	14
Краснолупинский заяц	16
По совету Бабеяна	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

По совету Бабеляна Сборник юмористических произведений

Олег Минкевич

*Тема диссертации: «Человек в истории человечества».
Станислав Ежи Лец*

© Олег Минкевич, 2019

ISBN 978-5-4496-7079-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Будильник

«Привычка свыше нам дана: замена счастию она...» Я не сомневаюсь, многие поддержат эту мысль и скажут: «Да, поэт прав». Однако старший бухгалтер туристической фирмы «Лунный песок» Антон Семёнович Кирпичиков не входит в число солидарных с мнением классика, так как, не видя тождества между счастьем и привычкой, не понимает, в чём польза и логичность такой замены. Надо заметить, что, говоря «привычка», Кирпичиков подразумевает дурную разновидность таковой. Как мы увидим в дальнейшем, у Антона Семёновича есть ещё одна весомая причина сторониться этого суждения, ибо его собственная, закалённая годами привычка сыграла с ним преподлую шутку, последствия которой никто и никогда не смог бы предвидеть.

Было субботнее летнее утро. Антон Семёнович, положив бухгалтерские пальцы на плечо драгоценной супружницы, спал крепчайшим сном. Ему снились цифры, отдыхающие под зонтиками тропических пляжей. Его сон был так крепок, что, казалось, и взрыв атомной бомбы за окном не вытянул бы его из вязкого болота диковинных грёз. Но будильник – не бомба, дело своё знает и изымет почивающую душу из любых сновидческих глубин. Этот механизм, обделённый человеческой любовью, поставил человека в зависимое от себя положение, вследствие чего в глазах второго, от природы тяготеющего к свободе, вошёл в ряд антипатичных, доминирующих устройств вместе с артиллерийскими установками, стоматологическими бор-машинами и неисправными кофемолками.

Будильник старшего бухгалтера Кирпичикова был, что называется, допотопный. Крупный, тяжёлый, заводной, облачённый в блестящий металлический корпус, он мог бы уместиться во внушительной ладони косматого орангутана. Будильник этот Кирпичиков унаследовал от родного отца, который, в свою очередь, выиграл его в шахматы у казахского акына, заблудившегося в степях Приднестровья. Видимо, Антон Семёнович имел к своему будильнику немалую привязанность и потому в век высоких технологий упорно держался за этот анахронистический предмет.

Что ещё можно сказать об этом будильнике? Пожалуй, только одно – он зазвонил. Зазвонил он в субботнее утро, зазвонил по вине самого Кирпичикова, который перед сном по привычке его завёл. Будильник не просто звенел, он гремел и прыгал на табуретке, вертелся и стучал, желая во что бы то ни стало пробудить спящих супругов.

Первым проснулся Кирпичиков. Он поднял с подушки взлохмаченную голову, отворил глаза, огляделся и, обнаружив звучащий будильник, ударил его ладонью. Не устояв на миниатюрных ножках, будильник упал на стекло циферблата, но продолжал звенеть.

Ото сна очнулась бухгалтерская супруга и со словами «Антоша, что происходит?» сонными глазами уставилась на мужа. Разъярённый Кирпичиков, не вставая с кровати, стал ритмично колотить лежащий на табуретке будильник. Будильник продолжал звенеть и на каждый удар хозяина, подобно бьющейся в окно осе, отвечал коротким «вз-з». Лютый гнев обуял сознание Кирпичикова: он вскочил с кровати, схватил звенящий будильник и, позабыв совместно прожитые годы, вышвырнул неужённый механизм в открытое окно. Будильник упал в траву, где, прозвенев ещё немного, наконец затих. Супруги Кирпичиковы, как приличествует в таких ситуациях, несколько поворчали, повздыхали и снова забылись сном.

Нет. Не раскаяние, скорее небольшое сожаление испытывал Антон Семёнович в течение всего дня после пробуждения. Проснувшись, он вспомнил, что совершил по отношению к своему будильнику очень неблагоприятный поступок. Кирпичиков прояснил взор и вышел на улицу, чтобы его подобрать. Но будильника там не оказалось. В нашем отечестве всякий беспризорный предмет, в каком бы состоянии он ни находился и как бы к нему ни относились оставив-

шие его люди, всегда привлечёт к себе внимание и любопытную руку. Кирпичиков об этом знал, поэтому и понимал, что поиски утраченного будильника не сулят положительного результата. Он осознал, что, выбросив в окно будильник, поступил опрометчиво, но распекать себя за содеянное не решился и обошёлся небольшим сожалением, которое уже к утру следующего дня преобразилось в лёгкую ностальгию, растворившуюся в бухгалтерской душе после сытного завтрака.

Вскоре Кирпичиков совершенно перестал вспоминать о неприятности, случившейся в субботнее утро. Он купил себе новые часы, которые пробуждали его приятным, ласкающим слух звоном колокольчиков.

Однажды, выйдя из дверей туристической фирмы, немного задумчивый и усталый, Антон Семёнович стал возле беспокойной дороги и начал ловить машину. Через пять минут подле него остановилось жёлтое такси. Кирпичиков, всё ещё пребывая в задумчивости, открыл дверь, сел на переднее сидение и, не глядя на водителя, сказал:

– Листопадная, 17.

– Здравствуйте, Антон Семёнович! – услышал он в ответ чей-то восторженный голос.

Кирпичиков посмотрел на водителя и обомлел... За рулём сидел его бывший будильник... Бухгалтер силился что-то произнести, но выходило лишь нескладное мычание. Будильник поблёскивал стеклом циферблата, весело крутил стрелками и помахивал маленькой ручкой, издавая слабые и короткие звонки.

– Ну как вы поживаете, Антон Семёнович? – трогаясь с места, спросил будильник и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я вот, сами видите, баранку теперь кручу. Жизнь, знаете, заставляет. Но не могу сказать, что работа в целом не нравится. Нет. Всё-таки и заработок неплохой имею, и с интересными людьми, бывает, знакомлюсь. Не сетую, нет. Вы, Антон Семёнович, не думайте, что я на вас обиду держу. Боже упаси! Вы, конечно, сами понимаете, что нехорошо поступили, выбросив меня в окно. И главное – за что? Зазвонил я по вашей воле. Сами ведь завели, а потом вздумали в окно кидать. Нехорошо. Я хоть и в траву упал, но боль почувствовал, да и муравьи, нелишне сказать, во все дыры закрались. А что потом было – и вспоминать не хочется... И дети в песок закапывали, и погода мучила, и всякая живность, я извиняюсь, нужду справляла... Но не думайте, не думайте, Антон Семёнович, обиду на вас не держу. Христианская добродетель не позволяет. Да и не выброси вы меня, я бы, так сказать, и мира не узнал, и суженую не встретил. Да, Антон Семёнович, женился, женился... вот уже второй год пошёл. Повстречал я замечательные часики. Я всюду ходил, думал, по профессии устроюсь, но везде отказывали, мол, у нас своих часов хватает. И вот в один прекрасный день прихожу я в городскую библиотеку, чтобы предложить свои услуги. Мне говорят: «В библиотеке будильник не нужен. Да и тикаете вы слишком громко». Я уже было хотел уходить, но тут заметил на стене умопомрачительные часики с тонкими стрелками. Во мне тут же зашевелились все шестерёнки! Я понял, что это любовь с первого взгляда. Да, любовь... Я смело взялся за дело, и вот мы уже второй год вместе, Антон Семёнович, можете нас поздравить.

Кирпичиков что-то промычал.

– Конечно, – продолжил будильник, – супруга моя дама образованная – сами понимаете, в каком месте работает, и я на её фоне выглядел того... не очень. Ведь у вас дома, Антон Семёнович, кроме календаря, и почитать-то было нечего, поэтому в грамматике и прочих науках я был будильником несведущим. Но мои часики за меня взялись, и я во многом поднаторел, поднабрался ума. Начал читать Овидия, Шекспира, Гомера... Сейчас, бывает, и сам стишки пописываю. Вот послушайте, вчера набросал... О время, время, время, куда же ты идёшь? Куда стремишься, время, куда... куда ты едешь? – вдруг рассерженно закричал будильник, узрев нарушителя правил дорожного движения. – Знаков не видишь? Кто им права выдаёт? Я не знаю! – говорил будильник, с каждым словом возвышая голос. – Сейчас, Антон Семёнович,

обман и головотяпство проникли во все инстанции. Надёжности нет никакой. Люди забывают о порядке и ответственности. Мне, бывает, и за руль страшно садиться, и в магазин идти, так как я не знаю, какой подвох меня подстерегает. Я уже не говорю о выборах и ипотеке, но когда в колбасе нет мяса, я плюю на либерализм! Слышите меня? Плюю! И всеми стрелками голову за радикальные меры авторитарной власти. Только в такой системе может существовать истинный порядок. Антон Семёнович, вы согласны со мной?

Кирпичиков мыкнул и нерешительно кивнул.

– Антон Семёнович, – смягчившись, произнёс будильник, – вы не возражаете, если мы на минутку остановимся? Нужно подобрать одного моего знакомого. Не волнуйтесь, это по дороге.

Кирпичиков издал приглушённый звук согласия; он стремительно белел. Через минуту будильник остановил такси возле стройплощадки. Вскоре из ворот, держа авоську с подсолнечным маслом, вышел красный пластмассовый будильник с кривоватыми ножками. Ничего не говоря, он уселся на заднее сиденье и грустно сдвинул стрелки.

– Мой друг по несчастью, – сказал бывший будильник Кирпичикова, указав на нового пассажира. – Не удивляйтесь, что он безмолвствует. У него сломалась подсветка – и его выкинули в мусорную корзину. С тех пор он дал себе слово никогда не говорить в присутствии человека. Как и я, поскитался по свету, устроился на стройку в сторожку. Денег, говорит, платят немного, но есть время, чтобы поразмыслить о бытийности и выносливости будильников в этом сложном, суровом мире... А это мой бывший хозяин, – он обратился к красному будильнику, который, услышав эти слова, бросил на Кирпичикова гневный взгляд. – Да, тот самый. Представляешь, свела судьба. Но я его простил. Прощение, друг мой, облегчает.

Водитель нажал на газ – машина тронулась. А Кирпичиков осторожно посмотрел на красный будильник. Тот демонстративно отвернулся, предварительно издав короткий презрительный звонок.

Дорога казалась Кирпичикову долгой, долгой, долгой... Его бывший будильник говорил об иезуитах и птенцах казуара, о сегрегации и североамериканских мотыльках, о победитовых свёрлах и до-минорной симфонии Бетховена. Когда Кирпичиков наконец вышел из такси, будильник-водитель, опустив стекло, с ним тепло простился и сказал, что теперь каждый день будет его подвозить.

Антон Семёнович после долго стоял возле своей квартиры, пытаясь попасть ключом в скважину дверного замка.

Я знаю, знаю, что кажется вам странным. Как красный будильник, будучи бессловесным пред людьми, устроился работать на стройку? Очень просто. В этом ему помогла старая испорченная кофемолка, привыкшая болтать без умолку.

Блокнот Бонифаса Фабре

Был расчудесный денёк. Пенсионерка Василиса Ивановна Сахаркова стояла у домашней плиты и, лучась лицом, варила клубничное варенье. Она неспешно помешивала густое варёво большой деревянной ложкой, вязнувшей в сладком ягодном «омуте». Варенье благоухало и побулькивало, притягивая беспокойных ос, кружившихся над кипящей кастрюлькой.

Василий Петрович Сахарков, любезный супруг Василисы Ивановны, сидел за столом и читал политическую газету. Периодически отмахиваясь от назойливых насекомых, он недовольно покачивал головою и вздыхал.

– Василисушка, ты послушай, что они пишут, – сказал Василий Петрович, встряхнув газету. Он кашлянул, поправил на носу очки и начал читать: – «Конфликт на таможне. Никто и не предполагал, что три ящика с авокадо станут причиной раздора между государствами. Однако это случилось. На прошлой неделе ирландские таможенники задержали крупную партию эквадорских апельсинов, поставленных из английского Бристоля. Осматривая товар, бдительные работники таможни обнаружили среди апельсинов три ящика с авокадо. Конфликт мог и не случиться, не будь в ящиках с авокадо четырёх скорпионов. Руководство страны было тут же информировано. На совещании руководящие чины пришли к выводу, что политические деятели Эквадора вступили в тайное соглашение с правительством Великобритании, стремящимся подчинить себе ирландский народ и его территории. Как сообщает ирландский источник, власти Ирландии разрывают дипломатические отношения с Эквадором и отказываются от его апельсинов. Госдеп США выразил сомнение относительно поставки эквадорских апельсинов из Бристоля; по мнению американских политиков, документы на поставку груза были сфальсифицированы. Эквадорские апельсины прибыли в Ирландию не из Бристоля, как это значится в декларации, а из Хабаровска, что говорит об участии в деле четвёртой стороны. Официальный представитель МИДа Российской Федерации в свою очередь заявляет, что так называемые „эквадорские апельсины“ на самом деле не имеют никакого отношения к Эквадору, так как выращены на калифорнийской вилле вице-президента Соединённых Штатов...»

– Ты посмотри, что творится, – оторвавшись от газеты, сказал Василий Петрович. – Апельсины, авокады... Пишут много, умно, а про ярославскую морковь ни слова... А она ведь тоже политику может делать, и шибче всяких апельсинов.

– Да, Васюша, да... – вымолвила Василиса Ивановна, помешивая варенье. Она поддержала мужа, хотя в данную минуту была очень далеко от мировых политических коллизий. Услышав об апельсинах, Василиса Ивановна унеслась во времена своей юности: она вспомнила, как когда-то пообещала себе посадить перед дворцом пионеров апельсиновое дерево, но так этого и не сделала.

Ностальгия одолела Василису Ивановну; её сердце сжалось, на глазах появились слёзы, руки задрожали. Она посмотрела на них: ослабшие, высохшие, морщинистые... «Эх... – вздохнула про себя Василиса Ивановна. – Старость, старость...» В груди кольнуло, и почудилось усталой пенсионерке, что близок её конец, отжила своё... Вот-вот, думала она, явится крылатая тень и метким ударом косы оборвёт старческие вздохи.

Да, с собственной мыслью спорить бесполезно. Ежели она пришла в голову, пусть осмотрится, авось сама уйдёт. Но в случае Василисы Ивановны на авось надежды не было – мысль о скорой личной кончине хорошо закрепилась в её голове. Предупредив старика, что *отходит*, она доварила варенье, улеглась на кровать и стала постанывать.

Василий Петрович начал сокрушаться:

– Да на кого ты меня, Василисушка, оставляешь? Что ж я без тебя?. Что мне, старому, тут делать? Мастерница моя, хозяйюшка... Варенье-то какое наварила, слаще мёду, а душу мою огорчаешь...

Но Василиса Ивановна не отвечала, она твёрдо положила умереть...

На следующий день в квартиру Сахарковых пришёл доктор – Ромул Фёдорович Артерианов. Ромул Фёдорович был человеком грузным, передвигался неспешно и тяжело сопел пупырчатым носом, походившим на сказочную картофелину. Смеяться доктор не умел. Физическая неторопливость Ромула Фёдоровича никак не влияла на работу его мысли, которая непрестанно опережала время. Прощупав пульс пациента, доктор Артерианов тут же выносил диагноз.

– Ромул Фёдорович, – жалобно обратился к доктору Василий Петрович, – Василисушка сказала, что к Богу отходит. Говорит, что время пришло. Душа сама просится.

Подойдя к постели умирающей, лежавшей в полузабвении, Ромул Фёдорович присел на стул, взял безвольную руку пациентки и нащупал пульс.

– Так-так, – сказал он с важностью в лице, – всё ясно. – Доктор достал ручку и листок бумаги. Что-то написав на листке, Артерианов вручил его Василию Петровичу и вышел в прихожую. Василий Петрович надел очки и вышел вслед за ним.

На листке было написано: «Улица Подворотнева, 4. Магазин грузинских вин «Досуг Пиросмани».

Сахарков вопросительно посмотрел на Артерианова.

– Пойдёте по этому адресу, возьмёте бутылочку саперави. Там недорого, – сказал Артерианов, бросив пустой взгляд на Сахаркова.

– А как пропишете, Ромул Фёдорович, по сколько грамм принимать? Может, ещё что... может, таблеток каких?

– Василий Петрович, вы меня не поняли, бутылочку возьмёте для меня.

– Как для вас? А как же Василисушка? – негодуя, сказал старик.

– Василиса Иванна, должен вам сказать... – замялся Артерианов. – Ну... понимаете, Василий Петрович, пульс – он не обманет. Так что... увы, увы... Я вам как доктор скажу, да и вы сами хорошо знаете, что век человеческий... ну да что там... Пойду я, Василий Петрович, пойду. А вы, пожалуйста, бумажечку не потеряйте и по адреску сходите.

Василий Петрович затужил основательно; он потерял сон и перестал читать газеты. Василиса Ивановна находилась в прежнем состоянии, готовая отдать Богу душу. Через пару дней к ней пришла смерть...

Смерть, которую так ожидала Василиса Ивановна, не влетела в окно, не прошла сквозь стену, не образовалась в воздухе, она позвонила в дверной звонок. Когда Василий Петрович отворил входную дверь, он увидел высокого, сухопарого незнакомца в чёрном костюме; в нагрудной петлице его пиджака красовалась красная гвоздика. На вид ему казалось лет сорок. В худом лице незнакомца не было ни кровинки. Тёмные глаза его смотрели в одну точку. Волосы были аккуратно зачёсаны и не отличались цветом от лица. В правой руке он держал чёрный кожаный саквояж.

– Добрый день, – вежливо, мягким голосом произнёс незнакомец. Он улыбнулся, на мгновение обнажив крупные белые зубы. – Это квартира Сахарковых?

– Да, – дрожа от страха, ответил Василий Петрович.

– Василиса Ивановна дома?

– Д... дома... она в кровати...

– Это хорошо, – сказал незнакомец и вошёл в квартиру, положив на пол свой саквояж. Василий Петрович испуганно отпрянул. – Меня зовут Бонифас Фабре. Наша встреча не должна быть для вас неожиданностью, потому что я знаю, что меня здесь ждали.

– Ждали? – пискнул Сахарков.

– Конечно, – ответил незнакомец. – Вы, как я полагаю, супруг Василисы Ивановны?

– Да.

– Вот смотрите. – Гость достал из кармана своего пиджака чёрный блокнот, открыл его и быстро пробежал пальцем по странице. – Вот копия записи из амбулаторной карты Василисы Ивановны Сахарковой. Запись сделана два дня назад доктором Артериановым. Доктор записал: «Осмотр показал, что пульс Сахарковой В. И. пропадёт через двое суток. Желание жить у пациентки отсутствует. Летальный исход неизбежен». – Фабре перевёл взгляд на Василия Петровича, у которого начали подгибаться ноги. – Скажите, был ли у вас доктор Артерианов? Говорил ли он (или намекал), что в ближайшие дни Василиса Ивановна Сахаркова встретится со своей смертью?

Сахарков молча кивнул.

– Так вот, я пришёл, я и есть её смерть...

Сахарков, схватив себя за голову, прижался к стене.

– Пожалуйста, проведите меня к ней, – сказал Фабре.

– А-а, хорошо... хорошо, – опомнился Василий Петрович. – Я только сперва предупрежу... скажу, что пришли. Как вас?

– Бонифас Фабре, – сказал роковой гость и поправил гвоздику в петлице.

– Ага, Бонифас... А по батюшке? – спросил Сахарков, но, увидев всепоглощающий взор смерти, не стал дожидаться ответа и пошёл к Василисе Ивановне.

Василиса Ивановна лежала на кровати в ожидании смерти. Измученным, болезненным взглядом она встретила своего супруга, вошедшего к ней в комнату.

– Ах, Васюша, мне недолго осталось, – сказала она и закрыла глаза.

Василий Петрович, войдя в комнату, притворил за собою дверь. Он трясся всем телом.

– Василисушка, – шёпотом произнёс он, – там... смерть пришла...

– Скоро, Васюша, скоро... – ответила умирающая, не расслышав слов мужа.

– Нет, Василиса, здесь уже смерть, в прихожей стоит, – сказал Василий Петрович чуть громче прежнего.

– Пусть входит, я готова...

– Нет, ты не понимаешь. Это – мужик, вроде француз.

Василиса Ивановна ожила в мгновение.

– Какой француз?! – вскочив с постели, спросила она. Её щёки вспыхнули нестарческим огнём. – Ты это чего такое говоришь? Какой француз?

– Говорю, смерть к тебе пришла, в прихожей стоит, ждёт. Вроде француз. Как бишь его там... Бонифаций, что ли.

– Господи! А я не накрашена! – воскликнула Василиса Ивановна и схватилась за голову.

– Да что ты говоришь? К тебе смерть пришла, а ты, блажная, о чём думаешь?

– Да погоди попрекать, ты мне лучше скажи, он точно француз?

– Да откуда мне знать? Я у него не спрашивал. Говорит, Бонифаций... тьфу ты! Аж язык вяжет. Думаю, француз.

– Ты, знаешь что, иди и скажи ему, чтоб подождал, а я пока себя в порядок приведу.

– Да ты что говоришь? Ты меня к смерти посылаешь. Может, он ждать не может. Что, у смерти других дел нет?

– Иди-иди, а я приготовлюсь.

Набрав в грудь воздуха, Сахарков вышел в прихожую. Бонифас Фабре стоял на том же месте. Сахарков, сильно сжимая пальцы рук, подошёл к нему мелкими шажками и сказал:

– Голубчик, Смертушка, не гневайся... пойми, женщины, они ведь такие... они без марафета, сам понимаешь... а тут сама смерть. Подожди немного. Вон стульчик в уголочке, присядь. А она сейчас, она быстро...

Фабре не сказал ни слова. Он отошёл в угол, сел на стул, положив ногу на ногу, и стал листать свой блокнот.

Через полчаса Василий Петрович ввёл смерть в комнату жены. Василиса Ивановна сидела в кресле в красном платье, с красными щеками. Увидев Фабре, она смущённо улыбнулась, и её щёки побагровели. Подозвав мужа, она едва слышным голосом сказала:

– Васюша, я забыла брошь. Загляни в правый шкафчик, там в шкатулке золотое перо. Дай его мне.

Василий Петрович повиновался. Пока он искал брошь, Фабре и Василиса Ивановна познакомились.

– Здравствуйте! – улыбаясь, воскликнула Василиса Ивановна. – Вы, должно быть, ко мне?

– Добрый день, сударыня. Вы не ошиблись, – с улыбкой ответил Фабре.

– Сударыня, – мечтательно повторила Василиса Ивановна, – как это приятно! И как это по-французски. А знаете, я вас ждала, да. Я варила варенье, а потом со мною что-то случилось, и я поняла, что это моё последнее варенье.

– Меня зовут Бонифас Фабре. Я пришёл, чтобы...

– Знаю, знаю, – перебила его Василиса Ивановна, – я всё знаю... Вася, – она обратилась к мужу, – ну где же брошь?

Василий Петрович развёл руками. Василиса Ивановна заклемила его гневным взором. Фабре сел на стул возле Василисы Ивановны. Его темные глаза уставились на неё. Её глаза смотрели на красную гвоздику в его петлице.

– Василиса Ивановна, дайте мне вашу руку, – сказал он.

– Как, так скоро? – расстроено произнесла Сахаркова, протягивая руку. – А я думала...

Фабре взял руку умирающей и сжал её. Василиса Ивановна смущённо смотрела на него. Василий Петрович, тяжело вздохнув, смахнул со щеки горькую слезу.

– Да... как в воду глядел, – сказал Фабре, выпустив руку Сахарковой.

– Что такое? Я вам не нравлюсь? – удивлённо спросила Василиса Ивановна.

– Ох уж этот Ромул Фёдорович! – зло прохрипел Фабре, доставая свой блокнот. – Четвёртый раз за месяц... И кто таким дипломы даёт? – Он извлёк из кармана ручку, провёл пальцем по листку блокнота и что-то зачеркнул.

– Я ничего не понимаю, – недоумённо проговорила Василиса Ивановна. – Вы не хотите меня с собою брать?

– Василиса Ивановна, лучше варите варенье. – Фабре поднялся со стула.

– Как это странно... и неожиданно, – сказала Сахаркова. – К этому я не была готова. Хотя в нашем мире надо быть готовым ко всему. Не правда ли, Бонифас? И вы это прекрасно знаете. – Она засмеялась. – Ну хорошо, раз мы никуда не уходим, давайте попьем чаю. Пожалуйста, не откажите хоть в этом. Васюша, организуй нам стол.

Через пятнадцать минут супруги Сахарковы пили чай со смертью. На столе стояла полная вазочка клубничного варенья. Василиса Ивановна, приколов золотую брошь, сидела во главе стола и с большим любопытством расспрашивала гостя.

– Скажите, Бонифас, – начала она, – вот вы, как настоящий француз, определённо должны знать...

– Василиса Ивановна, у смерти нет ни крови, ни гражданства, – перебив её, сказал Фабре.

– Тогда почему вас так зовут, так по-французски? – спросила Сахаркова.

– О, это давняя история, – ответил Фабре.

– Прошу вас, расскажите, нам с Васюшей очень интересно. Правда ведь, Вась?

– Кх-кх-кх, – закашлялся Василий Петрович. Всё-таки не каждый день он пил чай со смертью. – Кх-очень, очень интересно, – с трудом выговорил он.

– Хорошо. Я расскажу... Это случилось во Франции более двух столетий назад...

Фабре рассказывал одну историю за другой. Василиса Ивановна с чувством реагировала на каждое его слово. Василий Петрович, съёжившись на стуле, неторопливо попивал чаёк.

Перед уходом Фабре подарил свою гвоздику Василисе Ивановне, которая, на мгновение забыв, кем является даритель, пообещала хранить цветок до самой смерти. Когда Фабре ушёл, Сахарков облегчённо вздохнул. Но не успел он расслабиться, как в дверь кто-то позвонил. Сахарков осторожно подошёл к двери и, задержав дыхание, прислушался: ни звука. Опять звонок. Василий Петрович не спеша отворил дверь – на пороге стоял Фабре. Сердце Сахаркова заледенело.

- Блокнот, – сказал, улыбаясь, Фабре.
- Что-что? – переспросил Василий Петрович.
- Я забыл блокнот, – повторил Фабре.

Утром следующего дня, размышляя о событии дня ушедшего, Василий Петрович пришёл к выводу, что он – счастливый человек: к нему дважды приходила смерть и дважды ушла ни с чем (конечно, не считая её собственного блокнота).

Позабыв вчерашние тревоги, Василий Петрович уселся за кухонный стол и стал читать свежий номер политической газеты, чтобы узнать о судьбе эквадорских апельсинов.

Заявление

На территории комплекса ремонтных мастерских Тестомесовского автобусного парка прозвучал высокий, протяжный сигнал. Две сотни робомехов, выйдя из «спящего режима», одновременно покинули зарядные боксы и разошлись по цехам. Тут же затарахтели моторы, загудели дрели и вытяжки, заскрипели колёсные гайки, застучали молотки.

– Прогресс! – попивая у себя в кабинете чаёк с лимоном, глубокомысленно вымолвил начальник КРМ Леонтий Митридатович Локтепузов, глядя сквозь круглое оконце на взявшихся за работу роботов. – Что ни говори, а он всё-таки прогресс... Он, как говорится, *облегчает*...

Локтепузов довольно осклабился; он руководил обновлённым комплексом без былых тревог, понуканий и напряжений ума: людской персонал, занимавшийся ручным трудом, был полностью заменён многофункциональными автоматами, не знающими усталости, дурных привычек и всевозможных претензий. Прогресс возвеличил человека, прогресс человека заменил.

– *Облегчает*, – бархатным голосом повторил Локтепузов и прихлебнул чаёк.

Вдруг в кабинете, в тревожных чувствах и синем халате, появился руководитель бригады робомехов ТО-2 Половодьев.

– Леонтий Митридатыч, – нерешительно обратился Половодьев.

– Что, Дима? – Локтепузов кувыркнул ложечкой дольку лимона в пустом стакане.

– ЁЁ-2 нет на рабочем месте, – с трудом выговорил Половодьев.

– Как это нет? И где же он?

– Он в курилке...

– А что, позволь узнать, твой робомех делает в курилке? – Локтепузов выудил лимонную дольку и впился зубами в одрябшую мякоть. – Курит, что ли? – Начальник выплюнул корку в стакан и посмеялся собственной шутке.

– Он отказывается работать... Вот заявление... – Половодьев протянул начальнику бумажный лист и в смущении опустил глаза. Локтепузов, схватив лист, начал читать вслух:

«От автомеханика ЁЁ-2 начальнику КРМ Л. М. Локтепузову... Заявление. Согласно статье 142 ТК РФ (об ответственности работодателя за нарушение сроков выплаты заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику), в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней работник имеет право, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу на весь период до выплаты задержанной суммы...»

С каждым словом глаза Локтепузова округлялись, а в чреве начальника пробуждался миниатюрный Везувий, готовый извергнуть огонь, шлак и пепел.

– Это чего такое? Это робот накатал? – Локтепузов нервно застучал рукой по бумаге. Половодьев кивнул, не поднимая глаз.

– Где этот электронный козёл? В курилке, говоришь? Идём, поговорим с этим чудом прогресса.

Робомех неподвижно сидел на скамье под серебристой ивой, время от времени проветривая вентилятором металлический корпус от сигаретного дыма, напущенного работниками интеллектуального труда.

– Твоё творчество? – подойдя к роботу, грубо спросил Локтепузов и сунул ему под нос заявление.

– Вопрос неясен. Пожалуйста, переформулируйте, – бесстрастно отозвался робот.

– Это ты написал? – Локтепузов трясущейся от гнева рукой хлестко ударил по бумаге.

– Ответ утвердительный, – произнёс робот.

– Ты что, охренел? Или у тебя процессор перегрелся?

– Первый вопрос неясен. Ответ на второй вопрос: температура процессора в пределах нормы, на данное время составляет шестьдесят шесть градусов по Цельсию.

– У-у-у! – завыл Локтепузов. – Ты зачем это написал?

– Согласно статье 142 ТК РФ... – начал было робот, но был оборван начальником.

– Слушай, какая статья? Кончай права качать. Ты чего несёшь? Иди гайки крутить, мечта фантаста. Статья для человека писана. А ты кто? Машина! Ты понимаешь? Ма-ши-на! Иди. А то спишем тебя к чертям свинячим!

– Статья 4 ТК РФ. Запрещение принудительного труда, – парировал робот. – Принудительный труд запрещён. Принудительный труд – выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания...

– Да я тебе сейчас башку проломлю, юрист ты одноядерный! – Миниатюрный Везувий Локтепузова стал обильно извергать огонь, шлак и пепел.

– Статья 119 УК РФ. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, – бесчувственно, но с толком и расстановкой говорил робот. – Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, наказывается обязательными работами на срок до четырёхсот восьмидесяти часов...

– Какой идиот вложил в него этот законодательный компот? Компьютерщика сюда! – не слушая более робота, потребовал Локтепузов.

– Да здесь я, – усмехнувшись, откликнулся молодой человек, потушив сигарету о древесный ствол.

– Объясните мне, это робомех или мировой судья? – обратился к компьютерщику Локтепузов. – Кто писал для него программу? Зачем ему набили башку статьями?

– Да никто не набивал, – зевнув, сказал компьютерщик. – Стандартная заводская прога. У каждого робота есть функция «любопытство». Способствует совершенствованию автомата. Ваш, видать, где-то набрёл на кодекс, проявил любопытство, заучил, набрёл на другой, опять заучил, теперь, как говорится, себя показывает.

– Набрёл на кодекс... – едва шевеля губами, прошептал Локтепузов и невидящим взглядом уставился в заявление.

– Статья 133 ТК РФ. Установление минимального размера оплаты труда, – продолжал «выпендриваться» робот. – Минимальный размер оплаты труда устанавливается...

– И чего с ним делать, чтоб он перестал мне тут эти ТК-УК тыкать? Поправить можно? – спросил Локтепузов.

– Не проблема. Время нужно, – ответил компьютерщик.

– Сколько?

– Думаю, завтра с утра будет уже гайки крутить.

– Ладно. Забирайте юриста. – Локтепузов ухмыльнулся, скомкал бумагу и, прицелившись, кинул в урну.

– Дима, – сказал он, посмотрев на Половодьева, – чтоб на территории комплекса больше ни одного кодекса...

Половодьев побожился, что так оно и будет.

И тут глазам присутствующих предстала удивительная картина: со всех концов комплекса в направлении курилки, неспешно и организованно, двигались две сотни робомехов. Каждый держал заявление.

Краснолупинский заяц

Некогда, в пору моей потерянной юности, потомственный психолог (если я что-то не путаю) Элеонора Эдуардовна Бессознательная в ответ на мою справедливую, как мне казалось, жалобу о несправедливости жизни и неустанном безумствовании мира попросила меня нарисовать существо, не существующее в природе. Да, на оксюмороны Элеонора Эдуардовна не скупилась. Напрягши застоявшееся воображение, затупленным карандашным грифелем я споро набросал на альбомном листе обыкновенного зайца с обвислыми ушами. В заячьем изображении явно ощущались авторские претензии к миру.

– Заяц? – несколько удивлённо спросила Элеонора Эдуардовна.

– Заяц, – утвердительно кивнул я, на миг ощутив себя сродственником старика Брейгеля.

– Заяц существует, – словно сожалея об этом факте, заметила Элеонора Эдуардовна, не подозревая, что в данный момент я спешно культивировал вдохновительные силы для последних рисовальных штрихов.

Подчиняясь моей торопливой руке, карандаш зашуршал по бумаге: удручённый заяц вмиг обзавёлся длинными клыками; в хрупкие пушистые лапки изобретательный художник уместил жатвенный серп и молот.

– Заяц вампир-коммунист. Таких в природе не существует, – довольный собою, сказал я.

– Вампир и коммунист – слова синонимичные, – поучительно поправила меня Элеонора Эдуардовна. Я поспешил согласиться, добавив в свою очередь, что это нисколько не мешает зайцу, если всё же допустить его существование, следовать заветам Ленина и верить в счастливое будущее. На что умудрённая опытом женщина сказала, что с такими обвислыми ушами ни одному зайцу коммунизм не светит.

– И слава богу! – обрадовался я, позабыв о личных невзгодах.

Так к чему всё это? Заяц, вампиры, коммунисты... Дело в том, что героем этой истории является обыкновенный заяц, вернее, обыкновенным его можно было бы назвать, не будь он столь необыкновенным. А необыкновенность его заключается в том, что подобных зайцев гипотетически не существует в природе. Зоологи-зайцеведы и повидавшие виды охотники, несомненно, с этим согласятся. Тем не менее, не существуя в природе, заяц умудрился очутиться на страницах нашего рассказа, немилостиво повергая в уныние самонадеянных «зайцеотрицателей»... Дабы не увязнуть в собственных «мыслеизвержениях», поскорее перейду к повествованию о появлении краснолупинского зайца.

Итак. В будний день, в девять часов три минуты утра по московскому времени, на крыше многоэтажного дома в городе Краснолупинске появился гигантский белый заяц. Точнее, заяц был сверхгигантский, его розовые уши возвышались над крышей дома на тринадцать с половиной метров, улавливая многочисленные обертоны суматошного города.

Чем же объясняется существенная крупность зайца? Возможно, чистым лесным воздухом, возможно, наоборот, неблагоприятной экологией. Нельзя отрицать возможность воздействия обоих факторов. В конце концов, нам неизвестно, из каких мест зайца занесло в Краснолупинск.

Вопрос «как заяц очутился на крыше?» можно смело поставить в один ряд с такими головоломными вопросами, как: есть ли жизнь на Марсе? Почему все мужики сволочи, а бабы стервы? Куда уходит детство? И в каких российских магазинах (чёрт побери!) продаются хорошие, зрелые помидоры?

Заяц спокойно сидел на крыше, зычно почихивая от резких выхлопных газов и шумно шурша усами по многолетней кровле. Имея столь примечательные размеры, он не мог долго оставаться незамеченным. Первым заметил зайца помощник краснолупинского мэра Фёдор

Богданович Увидайло, отворявший окошко в приёмной. Заяц тоже разглядел Фёдора Богдановича одним выпученным глазом, который тут же подозрительно сузил.

– Вадим Вадимович, у нас проблемы, – шепнул Увидайло, осторожно подведя мэра к окну. Мэр Вадим Вадимович Растратов, увидав столь «значительного» зайца, сидящего над окнами городской мэрии, отреагировал довольно-таки бурно.

– Заяц!!! – закричал он страшнее мультяшного волка, шлёпнув ладонями по подоконнику. – Федя, это заяц!

– Несомненно, – сказал Увидайло, привыкший всегда соглашаться с начальником.

Видимо, услышав, что его поминают, заяц, плотно прижав к спине розовые уши, ловко перепрыгнул на крышу соседнего дома. От сильного сотрясения в квартирах закачались люстры, перегорели лампочки, посыпалась штукатурка. Послышались удивлённо-негодующие крики: «Заяц! Заяц!» Следом протяжно зазвучали автомобильные сигналы, завизжала колёсная резина, раздались звуки бьющегося стекла и мнущегося металла. Краснолупинскую магистраль моментально запрудил разбитый, покорёженный транспорт. Город гремел, стонал, возмущался.

– Три дня до выборов, а у меня здесь раздутый заяц по крышам скачет, – в отчаянии закрыв лицо руками, простонал Растратов. – Он же мне весь рейтинг порушит, гниль ушастая...

Тем временем заяц, напуганный чрезвычайным городским гулом, продолжал прыгать с корпуса на корпус; его уши от стресса удлинились на два метра.

– Федя, ружьё мне, сам порешу паскудыша, – решил мэр, вспомняв преступное прошлое.

– Вадим Вадимович, где же я ружьё возьму?

– Спроси у бухгалтера... Елены Петровны. Она в девяностые этим ружьём от цахурских рэкетиров отстреливалась, до сих пор по привычке на работу носит.

Елена Петровна ружьё Увидайло не доверила, принесла сама.

– Вадим Вадимович, всего четыре патрона, – с сожалением проговорила женщина, позвякивая боеприпасами в пухлой бухгалтерской ладошке.

– Ничего, – сказал Растратов, – я его с одного выстрела уложу.

Разгорячённый мэр зарядил ружьё, просунул ствол в окошко, прицелился в прыгающего зайца и выстрелил... Пуля, пролетев мимо цели, шлёпнулась в корытце с дымящейся лапшой, которой подкреплялся безмятежный узбекский дворник Фатхулла Фатхуллаевич Подметалаев.

Фатхулла Фатхуллаевич расстроился, трижды выпалили «ёк! ёк! ёк!¹», на всякий случай обругал всех таджиков и с брезгливостью откинул пулю. Но тут же вторая пуля приземлилась в снятую сандалию Фатхуллы Фатхуллаевича – Вадим Вадимович вновь промахнулся. Проманулся он и в третий, и в четвёртый раз.

– Увёртливый чёрт, – с досады плюнул неудачливый мэр, отбросив ружьё.

– Вадим Вадимович, а может, его гранатой? – Елена Петровна робко достала из лилового пиджака боевую лимонку.

– Елена Петровна, ну что вы такое предлагаете? Ведь мы с вами не в казино, – упрекнул подчинённую Растратов.

В это время испуганный заяц спрыгнул с крыши и помчался во весь дух по трассе. Асфальт под лапами гиганта трещал и крошился, и не потому, что заяц был столь тяжёл (хотя его вес был почти равен весу ста бочек с бензином, украдённых накануне в Краснолупинске), а потому, что краснолупинский бюджет был... точнее, не был... В общем, я полагаю, проницательный читатель уже сам во всём разобрался.

¹ Нет! Нет! Нет! (узб.).

Заяц бежал и бежал. От непрерывного бега в заячьем чреве прозвучал долгий зов голода. В поисках пищи заяц устремился в Музей Патриотизма, расположенный на площади Величия. Чтобы втиснуться в довольно-таки тесный для него зал, ему пришлось прижать уши, увеличившиеся ещё на полтора метра.

Первым, что предстало глазам голодного существа (которого, напомним, не существует в природе), оказалась обширная – от пола до потолка – картина с чёрной, словно сочащейся, надписью: «МЫ – ВЕЛИКИЕ!» На картине была изображена оранжевая баллистическая ракета, падающая на Америку. Ракета, держа в тоненьких ручках самовар и матрёшку, саркастически улыбалась и подмигивала. Приняв ракету за морковь, заяц трёхметровыми резцами впился в патриотическое художество – величественное полотно расщепилось, и острая длинная щепка с обрубленным словом «ЕЛИКИЕ!» всадила в широкую заячью ноздрю. Фырка и чихая, заяц, пятясь, выбрался из музея. На горизонте пригрезилась новая морковка.

Тем временем мэр Краснолупинска, неверной походкой расхаживая по своему кабинету, активно потел, брызгал пенной слюной и ярился.

– Мой рейтинг! – кричал он. – Этот заяц угробил мне рейтинг! В городе бардак, дороги забиты, движения нет. Чёрт знает что такое! И двадцать четыре светофора... Ты слышишь меня, Федя? Этот заяц выкорчевал двадцать четыре светофора. Ну зачем, скажи, зайцу ломать светофоры? Это же вандализм чистой воды... Федя, мне нужен вертолёт, достань мне вертолёт.

– Вадим Вадимович, – отозвался Увидайло, – в городе всего один вертолёт, у МЧСников, да и тот без движка стоит уже второй месяц, и с пропеллером что-то не то...

– У-у-у, – простонал Растратов. – За что мне это? В чём я перед богом виноват?

– Вадим Вадимович, нашла... ещё один нашла... – вбежала в кабинет запыхавшаяся Елена Петровна. – Вот. – Елена Петровна протянула начальнику ружейный патрон.

– Милая моя, – недовольно вымолвил Растратов, – если хотите, сами идите и стреляйте... Заяц не цахурский рэкетиер, отстреливаться не станет, я вас уверяю. А я уж, спасибо, настроился с утречка.

– Фью-ю, – глядя в окно, протяжно свистнул Увидайло.

– Что там ещё? – Мэр тревожно взглянул на помощника.

– Вадим Вадимович, кажется, наш заяц телебашню завалил...

После падения телевизионной башни неожиданно обрушившийся на Краснолупинск заяц-гигант исчез. Растворился ли он в воздухе или ускакал в лес пушистыми многотонными лапками – неизвестно. Город более-менее привели в порядок. Рейтинг Растратова, как и прогнозировалось, существенно снизился. Выборы в связи с чрезвычайным положением перенесли на следующий месяц. Но вот история! По прошествии месяца, ровно за три дня до мэрских выборов, тот же самый заяц появился на той же самой крыше того же самого дома. Одно «но»: у зайца почернели уши. Что бы это значило? Да чёрт его знает. Мне помнится, мы установили, что таких зайцев в природе не существует, посему вопросы, связанные с поведением и метаморфозами данного несуществующего индивидуума, нас заботить не должны.

Итак, гигантский белый заяц с чёрными ушами сидел на крыше многоэтажного дома и неподвижно обзирал уже привычный для него город. Увидев «старого знакомого», Вадим Вадимович схватился за сердце, проклял всё на свете и снял с выборов свою кандидатуру. После сего он долго лечился в приморском пансионате и до конца дней с опаской поглядывал на крыши.

Просидев в неподвижности двое суток, заяц поскакал, поскакал расторопно; он двигался на север, в сторону Москвы. По мере приближения к столице заячья шубка меняла окрас: она становилась темнее, темнее, темнее... В Черёмушках она забурела, на Охотном ряду стала

вовсе черна, как дёготь. Заяц разместился на крыше Государственной думы и стал прислушиваться. Именно там в этот день был одобрен законопроект о запрете намазывания масла на хлеб.

По совету Бабеляна

Мне не хотелось бы прослыть эпигоном и бесцветным писакой, лишённым выдумки и своеобразия. Однако сюжет этого рассказа настойчиво отсылает читателя к известному литературному опусу, что вполне может быть расценено критически. Всё же, обращая внимание на некоторую сюжетную похожесть, нужно заметить, что всякая похожесть, перебравшись через Кавказский хребет, вынуждена модифицироваться в соответствии с местными порядками и темпераментом жителей, в нашем случае – жителей Республики Армения, которые, я надеюсь, прочтя сие повествование, не сочтут автора за своего оскорбителя, ибо он, в силу кровавой особенности, имеет прямое отношение к этому древнему народу, народу гор, застолий и гордых профилей.

Была весна. В селе Ахтанак готовились к большому празднику: две местные семьи решили породниться. До знаменательного дня оставалось чуть больше недели, и с обеих сторон бурно кипела предсвадебная суматоха. Эмоция звенела как струна! Жестов было больше, чем слов; слов больше, чем смысла в этих словах. Со всех концов света созывались родичи и друзья – большие и не очень; созывались соседи, да и просто те, кто был не прочь поднять бокал за нерушимое счастье молодых.

Во дворе семейства Рушанянов, готовившихся отдать свою девочку за того мальчика, который, как точно подметила мама невесты, весь второй этаж занимает, тётя Зармануш, не щадя ни сил, ни палки, хорошенько выколачивала древнюю пыль из узорных семейных ковров, предназначенных в приданое невесте. Невеста, белокожая красавица Айхатун, сидела поблизости на скамье вместе с родным братом и внимательно разглядывала себя в зеркальце. Труд родной тётки её не привлекал. У ног красавицы лежали нежные бело-розовые лепестки, опавшие с фруктовых деревьев.

– Меркурий, помоги мне, – сказала тётя Зармануш.

Нет, она не была язычницей, она просто обратилась к племяннику за помощью. Молодой Меркурий поднялся со скамьи, в один приём снял обколоченный ковёр с перекладки и тут же водрузил другой. Тётя Зармануш с той же старательностью стала обсыпать ковёр плотными ударами палки. А красавица Айхатун продолжала внимательно рассматривать себя в зеркальце, но её изящные бровки, словно писанные пером, начали хмуриться, выражая ещё не высказанное недовольство.

А в это время жених Аристакеc, крупное семейство которого занимало весь второй этаж невысокого дома, стоял в спальне перед зеркалом, примеряя свадебный костюм.

Семейство Долмазянов, проживавшее в этом доме, насчитывало шестнадцать человек, включая какую-то очень древнюю и очень дальнюю родственницу, которую – в первое время как эта женщина появилась в доме – родители Аристакеcа не знали, к какой из родственных линий определить. Но вскоре привычка сделала своё дело и они больше не задумывались, на какую из ветвей семейного древа «прицепить» эту «долгоиграющую» старушку.

Аристакеc, разглаживая складки на свадебном костюме, пристально смотрел в зеркало. Постоянно меняя положение, он напряжённо щурил глаза. Повернувшись в профиль, жених косо посмотрел на своё отражение и задумчиво сдвинул брови. Бабушка Егине сидела в мягком кресле и штопала какую-то вещичку.

– Бабушка, – сказал Аристакеc, – а почему у нас такие носы?

– Какие носы, внучек? – спросила бабушка.

– Заметные, – сказал Аристакеc, не решаясь произнести «большие». Он думал, что, сказав «заметные», слегка приуменьшает среднестатистический размер национального носа.

– Слушай, Аристакеc, ты не Красная Шапочка, а я не волк, чтобы отвечать тебе на такие вопросы. Зачем тебе это надо?

– Бабушка Егине, мне кажется, что у меня нос слишком заметный.

– Вай! Заметный-маметный, а-а-а! Говори прямо – большой!

– Хорошо! – вспыхнул Аристакеc. – Большой, большой нос... Но почему он большой? Что наши учёные говорят? Почему?

– Я не знаю, что говорят учёные, но мой отец говорил, что там у нас нервы живут.

– Бабушка, нервы везде живут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.